

Сяо Чжигэ усмехнулся, поняв его намек, и с самым серьезным видом кивнул в ответ:

— Дома и впрямь затаился оборотень. — Вот только он уже давно не пил из него жизненные силы.

Ань Чанцин, конечно же, уловил двусмысленность его слов. Одарив его сердитым взглядом, он фыркнул:

— Пойду взгляну на бамбуковые водяные колеса, не хочу с тобой разговаривать.

С этими словами он вырвал руку и подошел ближе к колесу, не сводя с него глаз.

Сяо Чжигэ, чью руку так бесцеремонно выпустили, лишь сощурился от едва сдерживаемого смеха. Он неотступно последовал за ним, держась рядом, чтобы уберечь: берег реки был скользким, и юноша мог не удержаться на ногах.

Лишь спустя пять дней после испытаний первого бамбукового водяного колеса властям официально объявили о новшестве народу.

Сами колеса изготавливали мастера за счет казны, однако прорывать каналы и арыки на полях надлежало самим жителям. Чтобы люди наглядно оценили пользу, первые три готовых водяных колеса сразу же запустили в работу.

Увидев колеса в действии, народ ахнул от изумления. Прежний ропот по поводу нелегких работ по выемке земли быстро утих; напротив, каждый старался проявить как можно больше усердия. Все они были земледельцами, добывавшими хлеб потом и кровью, и прекрасно понимали, насколько важен полив. Теперь, когда власти сами построили для них бамбуковые водяные колеса, от них требовалось лишь приложить душевные и телесные силы — а это ли не великая благодать?

Так что тем летом жители Яньчжоу в свободное от страды время с воодушевлением взялись за рытье каналов.

К августу строительство внешнего города Яньчжоу было завершено более чем наполовину, а площадь распаханых целинных земель исчислялась тысячами му. Прорытые каналы переплетались сетью, а над расширенным руслом реки возвышались огромные бамбуковые водяные колеса. Непрестанно вращаясь в бурном потоке, они подхватывали речную воду и по разветвленным канавам направляли ее прямо на освоенные поля.

И хотя работы еще кипели повсюду, впереди уже отчетливо прорисовывался образ будущего процветания Яньчжоу.

В начале августа несколько экипажей в сопровождении стражи неторопливо въехали в Яньчжоу и направились к поместью генерала.

Ань Чанцин, давно получивший известие, выжидательно стоял у ворот. Едва завидев приближающиеся кареты, он не сдержался и пробежал пару шагов навстречу. В этот миг госпожа Юй как раз отдернула шторку окна. Их взгляды встретились, и Ань Чанцин с дрожью в голосе произнес:

— Матушка.

С тех пор как они расстались в Ецзине, прошло полгода.

Госпожа Юй отозвалась и, не дожидаясь, пока слуги подставят скамеечку, сама выскочила из экипажа. Быстрым шагом подойдя к Ань Чанцину, она пристально осмотрела его. Заметив свежий румянец на его щеках и слегка округлившееся лицо, она улыбнулась и с нежностью погладила его по щеке:

— Ты немного поправился по сравнению с тем, каким уезжал из столицы, да и подрос.

Ань Сяньйой выходила чуть медленнее. Подойдя ближе, она лукаво усмехнулась:

— Матушка всю дорогу изводила себя мыслями, будто тебе плохо живется в Яньчжоу. А я твердила, что она зря тревожится.

Госпожа Юй бросила на нее короткий взгляд, но не могла высказать свои истинные опасения вслух, поэтому лишь осторожно спросила:

— В том письме, что ты прислал прошлый раз... с тобой что-то случилось?

Видя обеспокоенность на ее лице, Ань Чанцин понял: матушка явно что-то знает. Однако сейчас было не лучшее время для расспросов, поэтому он сперва пригласил гостей в дом.

Поскольку зарание предупредили, что они останутся в Яньчжоу надолго, мать и дочь забрали с собой все вещи, какие только смогли увезти, так что несколько повозок были набиты доверху. Приехавшие с ними служанки ловко помогали слугам поместья генерала переносить сундуки во внутренние покои, а Ань Чанцин и Сяо Чжигэ проводили гостей в главный зал обедать.

После долгой и утомительной дороги требовалось отдохнуть и пообедать. Когда с трапезой было покончено, Сяо Чжигэ, заметив, что тревога на лице госпожи Юй лишь усилилась, предложил пройти в кабинет.

Госпожа Юй уже догадывалась, что с Ань Чанцином произошло нечто неладное, и со вздохом пошла за ними. Ань Сяньйой же пребывала в неведении; госпожа Юй поначалу не хотела брать ее с собой, но Сяо Чжигэ возразил: «Мы одна семья, рано или поздно она все равно узнает». И все четверо вошли в кабинет.

Хотя Ань Сяньйой и не понимала суть дела, по их суровым и сосредоточенным лицам осознала: случилось нечто серьезное. Она тут же отбросила легкомыслие и присела в стороне, готовясь слушать.

Сяо Чжигэ велел стражникам охранять подступы к кабинету, наглухо закрыл двери и окна и только после этого сел рядом с Ань Чанцином.

Атмосфера в комнате натянулась, как струна. Госпожа Юй заговорила первой:

— С Но-но что-то произошло?

Ресницы Ань Чанцина вздрогнули:

— Матушка, вы скрываете от меня что-то еще?

Госпожа Юй умолкла. Спустя долгое время она медленно кивнула:

— Я думала унести эту тайну с собой в могилу и никому не рассказывать.

Однако в письме, которое Ань Чанцин прислал в прошлом месяце, неожиданно упоминались племя цзяожэнь и алые узоры, что заставило ее встревожиться. На мгновение задумавшись, словно подбирая слова, она тихо спросила:

— У тебя на теле... снова появились чешуя и алые узоры?

— Чешуя? — Ань Чанцин тут же уловил главное. Его глаза широко раскрылись от замешательства. — Какая чешуя? У меня лишь за ухом появился алый узор, похожий на чешую.

С этими словами он повернул голову и откинул длинные волосы, открывая алые узоры, напоминающие рыбу чешую.

Взгляд госпожи Юй дрогнул. Ее пальцы коснулись узора:

— Они самые... Как же они проявились снова?.. — Проговорив это, она с тревогой осмотрела его лицо и шею. Убедившись, что в других местах ничего нет, она облегченно вздохнула.

— Вы знаете, что это за алые узоры? — глухо спросил Сяо Чжигэ.

— Я и сама не ведаю, — к общему удивлению, госпожа Юй медленно качнула головой. — Однако когда Но-но было четыре года, это уже случалось. Тогда все было куда страшнее: алые узоры покрывали его лицо, шею и грудь, а на ногах проступала редкая чешуя.

Ань Чанцин замер от изумления. Он и понятия не имел, что в детстве с ним происходило подобное.

Увидев его удивление, госпожа Юй горько усмехнулась:

— Ты тогда был совсем мал да еще бредил в жару, вот и не помнишь. Ты ведь всегда гадал, почему твой отец в один миг отвернулся от нас с тобой? Все из-за этого...

Она опустила глаза; в них больше не читалось боли — она лишь спокойно повествовала о давних событиях.

Тогда Ань Чанцину исполнилось четыре года, а Ань Сяньюй едва минул год. Между госпожой Юй и Ань Чжикэ еще царил лад. Пусть она и оставалась лишь наложницей, она не желала большего — лишь бы растила своих детей и жила в покое. Однако скромная мечта разлетелась в прах, когда Ань Чанцин тяжело заболел. В тот год он внезапно потерял сознание и слег с сильнейшей лихорадкой. Госпожа Юй позвала лекаря, а Ань Чжикэ из беспокойства о младшем сыне находился рядом. Но когда отдернули полог кровати, все увидели, что лицо маленького Ань Чанцина покрыто жуткими алыми узорами. Лекарь в ужасе отшатнулся и вскрикнул, что это дитя — оборотень.

Ань Чжикэ с трудом утихомирил лекаря и под страхом смерти запретил ему обмолвиться хоть словом. Госпожа Юй же осмотрела тело сына и обнаружила, что алые узоры проявились везде, а ноги покрывали мелкие чешуйки. Вспыхнувший в ее душе страх заставил ее искать защиты у мужа, но Ань Чжикэ словно переродился: с ледяным, жестоким лицом он приказал унести Ань Чанцина и предать смерти.

Хоть он и молчал, но очевидно согласился со словами лекаря, посчитав Ань Чанцина нечистью.

В то время его как раз должны были назначить верховным канцлером, и он не мог допустить, чтобы в его доме завелось подобное чудовище, способное разрушить его репутацию и погубить карьеру.

Разве мог любимый сынишка сравниться с собственным великим будущим?

Лишь после того как госпожа Юй пригрозила лишиться себя жизни, ей удалось спасти Ань Чанцина. Однако Ань Чжикэ проникся глухой ненавистью к матери и ее детям — или же на самом деле испугался, что мальчик окажется чудовищем. Он переселил мать с двумя детьми в самый дальний, заброшенный уголок поместья Ань, запретил вызывать врачей и под страхом наказания велел им не ступать за порог. Сам же он ни разу более не переступил порога их двора.

— Тогда у нас не было лекаря, и я могла лишь раз за разом обтирать тебя холодной водой да насильно поить рисовым отваром... — К счастью, Небеса вознаградили её труды: жара спала. Спустя полгода узоры с лица спали, а чешуя на ногах сошла сама собой.

Госпожа Юй не смела поднимать шум. Кроме того лекаря да Ань Чжикэ, никто так и не узнал, что Ань Чанцин перенес эту странную болезнь. И хоть мальчик оправился, Ань Чжикэ окончательно потерял к ним интерес. Госпожа Юй никогда не стремилась к борьбе и соперничеству, а предательство мужа слишком глубоко ранило ее сердце, поэтому она предпочла уединиться с детьми в их скромном приюте.

Шли годы, дети подрастали, и если бы госпожа Юй специально не возвращалась к тем дням, она, пожалуй, совсем бы забыла о страшном недуге сына. Лишь когда Ань Чанцин сочетался браком с Сяо Чжигэ, в ее душе вновь ожила тревога: не вернется ли болезнь после свадьбы?

Однако суженого не миновать. Госпожа Юй взглянула на молчаливого сына и с трудом улыбнулась:

— К счастью, на этот раз пятнышко совсем маленькое. Прикроешь волосами — и ничего не видно.

Затем она перевела мягкий взгляд на Сяо Чжигэ и прибавила:

— И спасибо вам, князь, что не гнушаетесь им.

<http://bllate.org/book/18381/1767825>